

A detailed illustration of a koala clinging to a thick, textured tree trunk. The koala is depicted with light brown fur, large dark eyes, and a prominent black nose. Its limbs are wrapped around the tree, showing its characteristic climbing posture. The background is a dark, dense forest with green foliage and tree branches, rendered in a painterly style. The overall composition is vertical, with the koala as the central focus.

Лесли Риис

**ПРО КОАЛУ
УШАСТИКА,
УТКОНОСА
ТИХОНЮ
И ДРУГИХ**

Издательство
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

ПРО САРЛИ, ЧЕРЕПАХУ С БОЛЬШОГО БАРЬЕРНОГО РИФА

КАКИЕ ОПАСНОСТИ ТАИТ РИФ

Когда Сарли появилась на свет, шёл проливной дождь. Капли шлёпались на тёплые, чистые, светло-зелёные воды, на мокрый песок взморья, на плоские береговые косы, на рыхлые песчаные бугры и лощины коралловых отмелей, на клубки водорослей, обрывки корней, пемзу и осколки раковин, рассеянные на песке у панданусовых пальм. Несмотря на дождь, день был знойный. Жаркий день середины января.

Первые мгновения, первые часы своей жизни маленькая Сарли, морская черепаха, провела в песке на глубине около трёх футов чуть выше линии самого высокого прилива, где песок всегда оставался влажным. Из-под верхнего щита Сарли выглядывали маленькие крепкие ласты длиной около двух дюймов и выпуклая головка. Сарли была тут не одна. Компанию ей составляли ещё по крайней мере двадцать пять братьев и сестёр.

Маленькой Сарли не терпелось выбраться из песка. Но какой-то внутренний голос надоумил её, что время ещё не пришло. Всего несколько часов назад она и её братья и сёстры, сбросив с себя округлую мягкую скорлупу, вылупились из яиц, спрятанных глубоко во влажный песок. Своей тяжестью они давили скорлупу, спрессовывали песок, так что вокруг скоро образовалась просторная пещера, и, сбившись в кучу, толкаясь, ждали, чтобы скорее кончился дождь: ведь он прибивал песок, и песок мог стать твёрдым, точно цемент, тогда уж им сквозь него ни за что не пробиться.

Сарли была очень рада, когда выбралась наконец из плотной скорлупы. Чем ясней она понимала, где находится, тем теснее ей там становилось, да притом другие такие же плотные яички громоздились сверху, снизу и с боков и давили

на неё. Поэтому не мудрено, что, когда она, наконец, вырвалась из скорлупы в жёлтый песок, она вся была сплющена и сдавлена. Ей хотелось выбраться из песка: вот тогда можно будет по-настоящему распрямиться и вытянуться.

Но дождю суждено было задержать это освобождение. Так, вповалку, вперемешку, черепашьям детёнышам предстояло ждать, когда дождь кончится и жаркое солнце подсушит песок, чтобы он снова стал рыхлым и они могли выкарабкаться на поверхность. Прошёл день, за ним другой. К этому времени ещё десятка четыре черепашек вылупились и пробились в пещеру к тем, что родились раньше.

И на свет должны были появиться ещё детёныши.

Некоторые оказались даже нетерпеливее Сарли. Они поползли вверх сквозь толщу слежавшегося, сыплющегося ручейками, обваливающегося комьями песка, но внутренний голос, который всю жизнь будет уверенно вести Сарли, подсказал ей, что дневные светлые часы не лучшее время для выхода на поверхность. И Сарли ждала. Но не у всех внутренний голос был такой верный. И они выбрались на поверхность, на слепящий свет, и поползли к морю.

Было ясно, безоблачно. Десятки зорких, недремлющих чаек и олушей парили над сверкающей гладью вод и над взморьем. Птицы эти мигом увидали черепаших детёнышей. С пронзительным криком, описывая крутую дугу, они точно белые молнии бросались на черепах, хватали их клювом и взмывали с ними ввысь.

Прошло несколько минут, и к воде заковыляла новая процессия исполненных надежды детёнышей. И опять пронзительно кричали птицы, опять хлопали крыльями и стремглав бросались вниз, и вот уже не осталось ни единой черепахи.

Сарли и некоторые её братья и сёстры оставались в песке, и потому участь эта их миновала. А кое-кто высунул было нос наружу, но, испугавшись яркого света дня, поскорей снова спрятался. С наступлением темноты неугомонные птицы в последний раз обозрели берег и вернулись на ночь в свои гнёзда. Вот тогда-то рассыпчатый песок у панданусовых пальм заволновался, и из него появились Сарли и ещё десятка два маленьких черепах, готовых храбро встретить

первую из стоящих на их жизненном пути великих опасностей.

Усиленно работая всеми четырьмя лапами, они поползли к морю. Им не терпелось расстаться с песком. Было достаточно темно, хотя чем ближе они подползали к плещущим о берег волнам, тем ярче светили в небе звёзды и голубовато мерцал песок.

Но не все добрались до воды. Когда Сарли казалось, что путешествие по пескам уже подошло к концу, из влажной тьмы к ней вдруг протянулась чья-то клешня. То был большой краб, и как раз такое угощение он здесь и высматривал. Сарли мгновенно подалась в сторону, и краб одной громадной клешнёй ухватил её нерасторопного братца, а другой стал сдирать с него панцирь, торопясь добраться до нежного мяса.

Из тьмы выступили ещё крабы и быстро похватали других черепаших детёнышей. Многие черепахи родились калеками: у кого вместо ласты была просто шишечка, у кого не хватало хвоста, у кого задняя лапа оказалась слишком короткой, и таких черепах крабам нетрудно было ловить. Сарли же, хоть и немного помятая, по крайней мере вылупилась целой. И теперь до поры до времени была в безопасности. Она добралась до чистой, прозрачной воды и уверенно поплыла.

После липучего песка, после тёплого ночного воздуха прохладные воды моря приятно освежали. Наконец-то она там, где ей положено быть. Море и есть её настоящий дом.

Сарли мерно взмахивала длинными передними лапами — вверх, вниз, вверх, вниз, а короткие задние ласты не гребли, но служили ей рулём. Она плыла всё дальше и дальше, ей и дела не было до её многочисленных братьев и сестёр, хотя кое-кто из них был совсем недалеко. Она не стала нырять под воду, но плыла поверху. Она плыла, сама не зная куда, над погружённым в воду рифом, радуясь каждому новому ощущению; но вот наконец её передние ласты устали, и она прилегла передохнуть под заросшим водорослями коралловым выступом и уснула, убаюканная негромким причмокиванием волн.

Три ночи подряд партии черепаших детёнышей выбирались из песчаного укрытия и, как и Сарли, ползли к морю. Многие пали жертвами чаек, олушей, цапель да ещё крабов, так что у Сарли, когорая сумела избежать их участи, были, видно, задатки выдающейся черепахи.

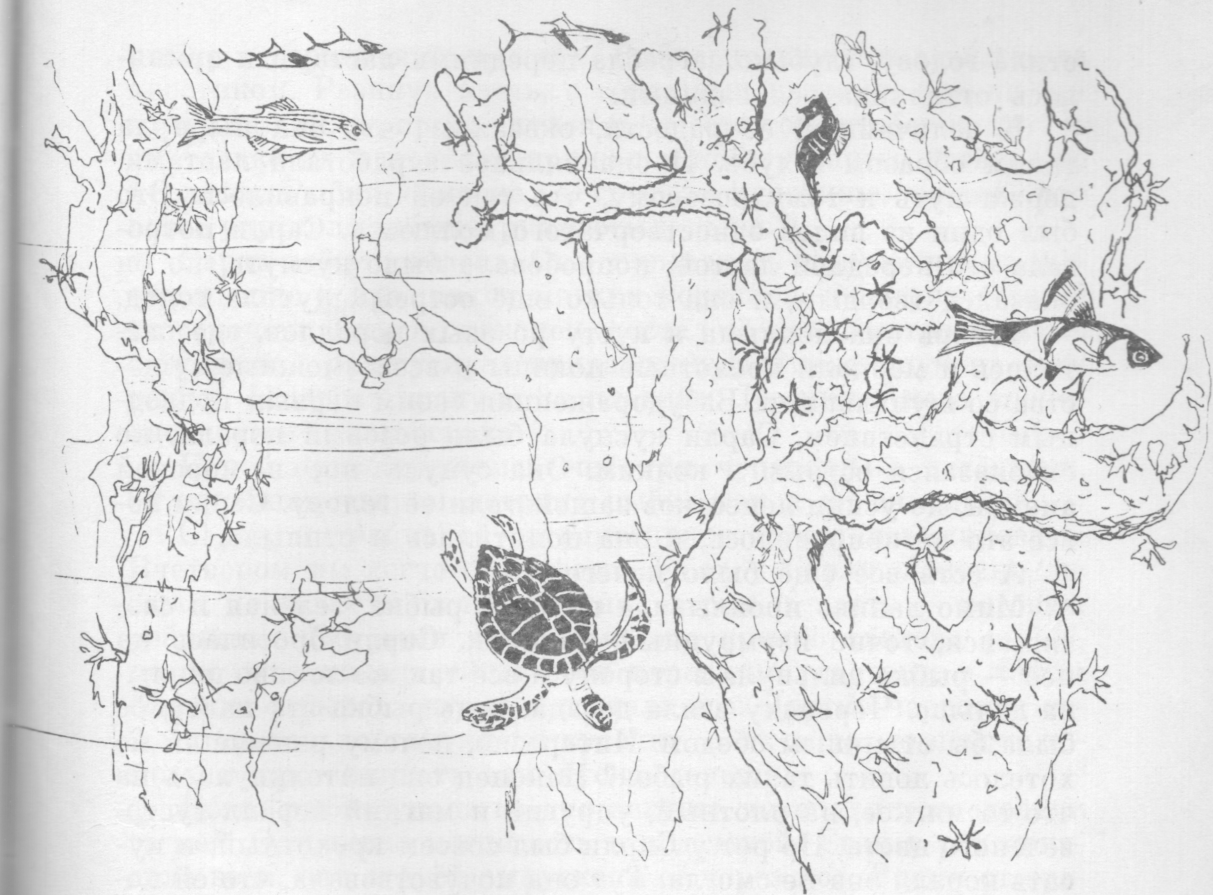
В следующие дни погибло ещё немало черепаших детёнышей. Когда они проплывали под нависающими подводными карнизами и коралловыми выступами, крупные рыбы, вроде королевской, летрина и морвонга, кидались на незадачливых малышей и, как те ни отбивались, мигом заглатывали их, даже не сорвав панциря. Одна рыба заглатывала в час не меньше тридцати детёнышей.

Сарли очень быстро усвоила, что надо держаться подальше от выступов, нависающих над глубокими водами. Она научилась шарахаться или пускаться наутёк при малейшем намёке на опасность. И скоро наловчилась отыскивать плавающие островки водорослей и прятаться в них.

Однажды Сарли и ещё десятка два маленьких черепах плескались в коралловой лагуне, куда в иные часы крупные обитатели моря, вроде королевской рыбы, никак не могли проникнуть. Во время отлива пурпурные кораллы, окружающие лагуны зубчатой чащей, охраняли черепах от хищников. Тонкие водоросли покачивались на пронизанной солнцем воде, и среди раковин каури, точно огромные хризантемы, распустились два морских анемона. Серебристые рыбки в белых и коричневых или синих и золотых полосах сновали среди сверкающих коралловых ветвей.

Рыбки эти уплывали в морскую глубь, а черепахи, распластав ласты, лежали на поверхности моря и либо спали, либо неслышно, лениво плавали. Сарли подолгу отдыхала, положив голову на какой-нибудь коралловый бугорок. Самое удивительное, что черепашим детёнышам вовсе не хотелось есть. Правда, знай они почему, они бы совсем не удивлялись.

Пока черепахи находились в яйце, они не использовали весь запас желтка, но, перед тем как им вылупиться, оставшийся желток всасывался в их тело. Вот почему первое время они не ощущали голода. Однако пища, которую они

усвоили из желтка, была столь лёгкой, что нырять им пока было очень трудно.

Во время прилива коралловая заводь становилась доступной для всевозможных страшилищ, и Сарли, её братья и сёстры храбро уплывали в тёмные просторы моря на поиски водорослей, в которых можно было бы укрыться.

Прошла неделя, и Сарли вдруг ощутила голод. Но это новое чувство обострило её зрение. Она лежала на поверхности моря и сквозь прозрачные, чистые воды глядела на дно. Большие глаза её видели отлично, и она уже различала цвета. Внизу под собой она заметила что-то розовое. Цвет был приятный, и Сарли захотелось подплыть поближе. Она опу-

стила голову, глубоко загребла передними лапами и принялась отталкиваться задними.

К величайшей её радости, оказалось, что она нырнула таким образом вглубь. И она сильнее заработала лапами, держа путь к тому розовому, что так ей понравилось. Это был один из видов одностворчатого моллюска. Сарли потрогала его передней ластой, попробовала было куснуть, но он оказался твёрдым, и она только ещё острее ощутила голод.

Теперь она поплыла к кусту розовых кораллов, где светились и мерцали крохотные полипы и всевозможные существа со щупальцами. Возбуждённая своим первым подводным странствием, Сарли куснула было розовый коралл, но он оказался острым и колким. Она сунула нос в морской анемон, но усики лепестков защекотали её голову. Сарли во все это не понравилось, и она попятилась и отплыла.

А есть всё ещё было нечего!

Мимо лениво проплывала плоская рыбка, зелёная и светящаяся, точно изумрудный фонарик. Сарли бросилась на неё — рыбка вильнула в сторону и всё так же лениво поплыла дальше. Черепаху взяла досада: ведь рыбка эта наверное была бы отличным обедом. Интересно, почему раньше ей не хотелось ловить таких рыбок? Наконец она натолкнулась на что-то мягкое, на плотный, упругий и мягкий коралл густо-зелёного цвета. Но рот у Сарли был совсем крохотный, и кусать коралл она не смогла. Тут она почувствовала, что ей пора подышать, всплыла на поверхность, глотнула свежего воздуха и снова нырнула вглубь — прямо к нежной красноватой водоросли с молодыми побегами. Попробовала молодые побеги на вкус. Восхитительно!

ПОД ВОДОЙ СРЕДИ КОРАЛЛОВ

Красногубый летрин, весь чернильно-синий, с огненно красными плавниками, глазами и пастью, стремительно вынесся из-под подводного рифа. И тотчас вода забурилась, рассекаемая яркими коралловыми рыбками, что в страхе кинулись врассыпную. Озадаченный летрин тотчас резко повернул и снова кинулся на добычу, на этот раз на маленькую

рыбку в коричневых полосах. Рыбка проснулась и вильнула хвостиком. Разинув пасть, с горящими глазами, летрин кинулся за ней, но промахнулся и, вместо того чтобы заглотать её, только на мгновение прижал к побегу синего ветвистого коралла. Рыбка обмерла, а грозное чудовище, решив, что вовсе упустило добычу, ринулось дальше.

Сарли всё это видела. Она укрывалась в качающихся ветвях пышно разросшихся мягких кораллов, и летрин был ей не страшен. Теперь, наконец, настал её час. Быстро выплыв из укрытия, она куснула придавленную и лежавшую на боку рыбку. Ещё раз куснула за плавник. Крепко в него вцепилась и уже не выпускала.

К ней присоединились ещё три черепаших детёныша. Оглушённая ударом летрина рыбка так и не очнулась.

Сарли и тройка её сотрапезников принялись пировать. Вчетвером им легче было есть. Зубов у Сарли, конечно, не было, но челюсти были крепкие, острые, а пасть — роговая, ребристая. Острыми челюстями она крепко хватала рыбку, потом отталкивала её от себя передними лапами и таким образом отрывала кусок и глотала его. Другие черепахи тоже старательно тянули по кусочку, а их толстые языки помогали проталкивать эти куски дальше.

Когда рыбка упала на дно лагуны, черепахи последовали за ней. Они легко могли есть и под водой. Если в рот попала вода, они струёй выпускали её через нос. Время от времени то одна, то другая черепаха всплывала на поверхность и, выпустив струю воды и открытой пастью вдохнув свежего воздуха, снова ныряла на дно.

Пир продолжался до тех пор, пока от рыбы осталась только костистая голова да весь в острых шипах позвоночник. Юные черепахи бросили ненужный им скелет и поплыли каждая в своё убежище.

Полосатая рыбка пришлась Сарли по вкусу. Теперь она каждый день высматривала себе жертву. Иногда ей и самой удавалось поймать рыбку, а иногда она хватала ту, которую укусила, а потом бросила либо королевская рыба, либо ставридка. Однажды она поймала маленького краба, когда он плавал в море, а на другой день вцепилась челюстями в оранжевого рака-отшельника, когда он пытался залезть в пустую

раковину моллюска. Нередко Сарли рылась носом в мягком песке и выкапывала креветку. Кроме того, иногда ей попадался малый гребешок: над ним явно стоило потрудиться, ибо, перемолов его своими зубчатыми челюстями, Сарли находила внутри сочную устрицу.

Сарли росла медленно, но верно. За три недели она выросла всего на четверть дюйма. Но за полгода панцирь её достиг в длину четырёх дюймов.

Если Сарли не удавалось поймать рыбку или найти приятные на вкус водоросли, она не слишком огорчалась, ибо, хотя еда и доставляла ей удовольствие, она вполне могла обходиться без пищи целыми днями и даже неделями. А взрослые черепахи, как ей ещё только предстояло узнать, могут ничего не есть даже месяцами. Однако в этом щедром море, изобилующем всяческими опасностями, но зато и всяческой живностью, редко приходилось поститься.

Почти у каждого живого существа в возрасте Сарли, если оно обитает на суше, есть отец и мать, которые опекают своих детёнышей, учат добывать пропитание, распознавать врагов и спастись от них. Но Сарли ни разу не задалась вопросом, где же её мать, и никогда не спрашивала об этом своих юных сородичей. Так она и проживёт на свете, никогда не повстречавшись со своей матерью, — разве что случайно, да и то не будет знать, что это и есть её мать. Ну, а отец был ей и вовсе неведом.

Шли месяцы, и Сарли очень похорошела. Многочисленные пластинки её панциря были всё больше коричневые, каштановые и золотистые, с бледно-жёлтыми полосами у стыков. Голова сверху была в цвет спины, а шея — зеленоватосиняя, и такие же ласты. Кожу на ластах и на голове испещряли перекрещивающиеся бороздки, и казалось, будто она вся в пятнах, как песок под солнцем в мелких прозрачных лагунах, где воды то наступают, то отступают.

Теперь Сарли сразу бросалась в глаза даже в изобилующем яркими красками мире кораллового рифа, а значит, от неё требовалась ещё большая осторожность, чем от какого-нибудь тускло-серого, незаметного создания вроде бородавчатой скорпионовой рыбы.

У Сарли были уши, но они ничем ей не помогали. Чере-

пахи глухи; драгоценной способностью слышать они обладали в давние-давние времена, но потом утратили её, а уши так и остались. Зато зрение у Сарли было на редкость острое. Она видела не только формы, но и цвета, различала всевозможные оттенки и мало-помалу научилась распознавать многоцветные живые существа и растения, что населяли море вокруг.

Долгое время ей больше всего нравились кораллы. Порою они росли очень глубоко, но в прозрачной воде видны были так хорошо, словно до них было каких-нибудь фута два.

Кораллов было великое множество — васильково-синих ветвистых, раскидистых — целые леса. Щупальца полипов, составляющих колонию кораллов, подпрыгивали и трепетали, и казалось, всё вокруг полыхает холодным и ярким голубым пламенем. Кораллы эти были точно пламенеющие голубые пальцы, и пронзительная голубизна их ослепляла. Сарли нравилось неспешно плавать вокруг них, отдаваясь течению. Но были тут и ещё кораллы, других видов, других цветов, и было их многое множество.

Горчичные и жёлтые, изумрудные и серые, бледно-лиловые и розовые, красные, бледные коричневато-жёлтые и серовато-зелёные. Одни нежные, точно влажные волосы, и бледно окрашенные, — среди них прятались маленькие белые крабы, Сарли отыскивала их и быстро пожирала. Другие мягкие. Третьи жёсткие и хрупкие. Все они в изобилии населяли морское дно, похожие на цветы и листья, то кружевные, то напоминающие плоскую губку, податливые, как коровье вымя, и упругие, как резина. Были здесь кораллы круглые, точно подушечка для булавок, и разноцветные, с яркими вкраплениями, точно палитра художника, и все сплошь в гребнях и бороздах, и мозговидные, и веерные, и трубчатые.

Прелестные колонии кораллов походили на любовно ухоженный сад, полный цветов, кактусов и кустов. Иные тесно переплетались со своими соседями, но при этом не давили их и не душили, другие цвели пышно и свободно. И вдруг у края рифа все они исчезали из виду, уходили в густо-зелёную глубину — терялись в море, но не тонули.

Не мудрено, что Сарли любила плавать под водой в коралловых садах, где к тому же было вдоволь вкусных водорослей. Но даже это дивное царство красок понемногу наскучило Сарли. Ею овладело беспокойство.

АКУЛЫ БОЛЬШОГО БАРЬЕРНОГО РИФА

Всем своим существом Сарли жаждала приключений, жаждала отправиться в далёкое, захватывающее странствие и в пути испытать свои силы и выносливость.

Ей было уже около года, и тело её, если судить по длине карапакса, или спинного щита, достигало восьми дюймов. Жизнь была в ней ключом и силы прибывали с каждым часом. Долгие месяцы она плавала в глубокой синей протоке к югу от того кораллового рифа, где появилась на свет. Теперь ей захотелось побывать у Большого барьерного рифа. Она не раз видела, как оттуда возвращались взрослые черепахи.

Сарли предстояло проплыть тридцать или сорок миль — для молодой черепахи расстояние немалое. Но спешить ей было некуда: время для того и существовало, чтобы им наслаждаться.

В один прекрасный, золотой от солнца день Сарли наконец отправилась в путь — к бескрайней синеве, туда, где раскинулся Тихий океан. И плыла без передышки долгие часы.

Назавтра она уже не так торопилась, отыскивая по дороге съедобные водоросли. Иногда она плыла под водой и каждые несколько минут поднималась глотнуть свежего воздуха. — конечно, если бы не путешествие, которое требовало много сил, она могла бы оставаться под водой и по часу.

Долго плыла Сарли по глубоким водам, и нигде под нею не было и следа привычных глазу кораллов. Куда ни глянь — со всех сторон только море да небо, пустынный, однообразный и странный мир. Вода здесь была тёмно-синяя, и в ней таились всевозможные чудовища.

На третий день мимо Сарли проплыл гигантский скат — плоская, треугольная рыбина, в десятки раз больше её самой. Существо на вид устрашающее, хотя, чего Сарли не зна-

ла, не очень для неё опасное. На четвёртый день, лениво покачиваясь на волнах, Сарли вдруг с удивлением заметила, что в миле от неё в воздух взметнулась огромная струя воды.

А вслед за этим фонтаном вверх вскинулось чьё-то громадное тело и тотчас вновь ухнуло в море, и от этого места во все стороны пошли высокие волны. Сарли решила, что это, должно быть, кит. Неведомая тварь снова и снова подпрыгивала вверх, всё выше и выше, и тяжело шлёпалась в воду, а Сарли издали смотрела на неё.

На пятый день мимо Сарли проплыли две большущие рыбины, безобразные, с огромными, жадными пастьми. Появились и взрослые черепахи, они плыли куда быстрее Сарли.

Но самое интересное зрелище представилось её взору на шестой день. Случилось это в более мелких водах. Здесь резвилось стадо дюгоней — морских коров; они весело выскакивали из воды, иные при этом лапами прижимали к себе детёнышей.

Наконец вдали, там, где густая синева моря сходится с прозрачной синью неба, Сарли углядела высокую и острую коралловую скалу. Скала эта, точно часовой, стерегла горизонт. А потом Сарли увидела ещё такую скалу, и ещё, и ещё. То были гигантские тёмно-бурые обломки, оторванные во время чудовищных штормов от главного барьерного рифа и взгромождённые торчком на основании из отмерших кораллов.

К одному из таких вздыбленных обломков Сарли и направила свой путь. Теперь, когда долгое странствие подходило к концу, её переполняли волнение и любопытство. Вот впереди уже завиднелась белая тонкая линия прибоя. А Сарли всё плыла и плыла, и море становилось всё мельче и мельче. Вода из тёмно-синей обратилась в густо-зелёную. Потом посветлела, потом пожелтела.

Могучие круглые башни из кораллов поднимались как будто с самого дна, и, хотя до него было ещё очень далеко, сквозь на диво прозрачную воду Сарли видела его так хорошо, словно его освещали незримые светильники.

Когда длинные волны с Тихого океана накатывались на выдвинутые вперёд бастионы рифа, полоса прибоя становилась шире и длиннее. А позади бастионов, меж полосой при-

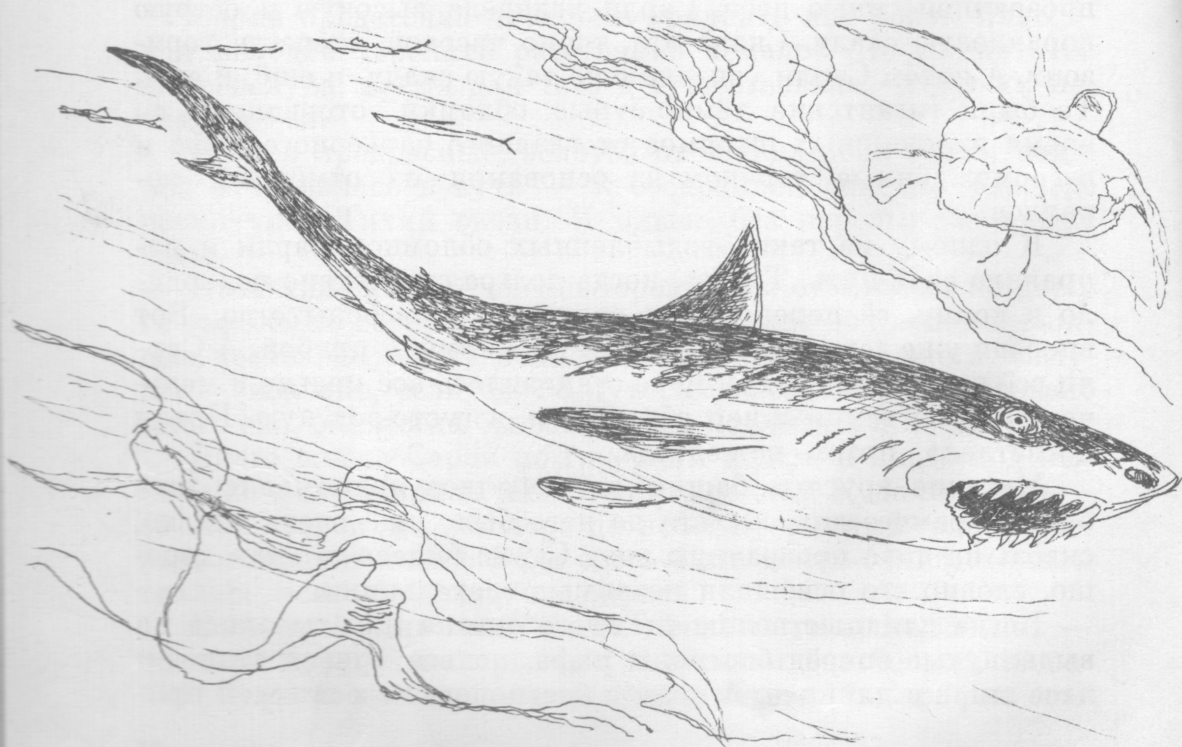
боя и Сарли, всё было тихо и покойно. Когда Сарли доплыла до кораллового столба, он почти совсем обнажился: наступил час отлива.

Сарли отдохнула в каких-то водорослях, потом поплыла через риф.

Так долго она видела под собой одну только густую тьму, что бесщётное множество живых и ярких существ, снующих по песчаным отмелям и меж окаменевших кораллов, просто ошеломило её.

Вот показалась голова и нога с когтем рыжевато-коричневого морского паука, который пытался перевернуться на коралловом обломке, а вот, вытягивая большую плоскую ногу, медленно тащил по песку свою скользкую, округлую и удлинённую, точно дыня, раковину кузовок барьерных рифов.

Из потревоженных вод высовывались иглы морского ежа,

а под солнцем в коралловой ванне, точно огромные моллюски, лениво растянулись трепанги. Сарли из любопытства сунулась было к одному, и навстречу ей тотчас метнулся пучок белых липких нитей. Сарли увернулась, а трепанг скоро сам запутался в своей липкой паутине.

Кто-то тронул заднюю ласту Сарли. Она быстро повернулась и оказалась нос к носу с юной черепахой примерно такой же величины, как она сама. Да ведь это же Сэппу, один из её братьев. Она не видела его с самого младенчества. Значит, Сэппу тоже приплыл сюда, на этот далёкий риф.

Сэппу обрадовался встрече и хотел показать Сарли красоты Большого барьерного рифа. Но тут они заметили, что поодаль, где вода поглубже, поднялась какая-то суматоха.

Несколько взрослых черепах удирали во всю прыть, с силой колотя ластами по воде. В Сарли и Сэппу любопытство

взяло верх над осторожностью, они подплыли ближе. И напрасно.

Переполох вызвала жадная стая тигровых акул. Острый нюх привёл акул к рифу, где двадцать пять крупных черепах неторопливо, со вкусом насыщались водорослями. Страх словно электрическим током пронзил черепах. Они мигом нырнули в глубину. Но зубастые акулы их настигали. Акулы плохо видят, зато отлично чуют жертву, и, круто сворачивая, стремительно рассекая воду, они гнались за черепахами.

И вот уже предводитель стаи ринулся на черепаху весом фунтов в шестьсот. Черепаха метнулась в сторону, нырнула, увернулась. Но как она ни старалась, где уж ей было состязаться с акулой в быстроте и ловкости! Как молния мелькнули три ряда страшных зубов, вонзились в заднюю ласту и мигом её отхватили. Черепаха в смертной муке нырнула глубже. Но акула, проглотив ласту, устремилась вслед. Она вцепилась зубами в панцирь. Однако панцирь был крепок, и акула только того и добилась, что под нажимом её зубов треснула одна из пластин с самого края. Тогда она вцепилась в другую ласту и откусила и её.

Черепахи ныряли и мчались кто куда.

Теперь бедняга Сарли уже поняла, как глупо было сюда соваться. Громадная хищница кинулась было к ней. Сарли отчаянно заработала ластами. По счастью, её спасло как раз то, что она была ещё так мала: мимо в ужасе метнулась тяжёлая взрослая черепаха, и акула, изогнувшись, устремилась за более крупной дичью.

Сарли поднялась глотнуть свежего воздуха, потом снова нырнула. И сразу же опрокинулась на спину — мимо мелькнула стая перепуганной макрели, которую настигала акула. Одни были целы, у других в боках зияли раны. Некоторые в изнеможении опрокидывались на спину, и акула тотчас заглатывала их. Сарли пришла в себя и кинулась в сторону. Она влетела в пышный куст водорослей, и оказалось, что Сэппу тоже здесь. В этих зарослях они и решили переждать тревогу.

Акулы исчезли так же внезапно, как и появились. Некоторые черепахи были мертвы, другие умирали, кто лишился сразу трёх ласт, кто — хвоста, у кого акула отхватила пол-

головы. Вода покраснела от крови. Шесть довольно больших черепах акулы заглотали целиком, вместе с панцирями. Когда Сарли выбралась из леса водорослей, она вдруг ощутила острую боль. Болела одна из передних ласт. От неё отхвачен был небольшой кусочек. Вероятно, акула цапнула её мимоходом, но Сарли в панике ничего не заметила. А теперь ранка разболелась.

Сарли потёрла ласту о водоросль, потом об окаменевшие кораллы, но боль не утихала. Отметина эта теперь останется у неё навсегда.

Шли недели. Сэппу показал Сарли столько всевозможных красот и ей так всё понравилось, что она решила здесь остаться. Среди морских анемонов неподвижно лежали синие и красные морские звёзды. Маленькие безобидные куньи акулы с жёсткой крапчатой шкурой застенчиво прятали головы в узкие расщелины. Жили здесь и моллюски; раскрытые створки огромных раковин были у одних ярко-зелёные, у других коричневые в крапинку, а были и голубые, сверкающие, точно крылья бабочки.

Когда Сарли и Сэппу плыли над рифом, тяжёлые раковины одна за другой пускали высоко в воздух струю воды и захлопывали створки. Одна раковина осталась открытой. Сарли с любопытством уставилась на её пятнисто-зелёный верх, потом заглянула меж створок. И уже хотела было сунуть внутрь ласту, как вдруг — щёлк! — челюсти сердито захлопнулись.

В другой лагуне, поглубже, им попалась навстречу красная скорпена; она плыла медленно, величественно, её широкие плавники были усажены остриями. Два дремавших на солнце шиповатых ската проснулись и поспешно скрылись в глубине. И тогда на коралловом выступе Сарли увидела уж совсем поразительную тварь — таких она ещё не встречала.

Неведомое существо спало на коралловой скале: глаза у него были точно пуговицы для ботинок, с тонкими черными щелями зрачков, два длинных слизистых щупальца присосались к скале дискообразными присосками, а ещё шесть обвились вокруг туловища; точно раздувшееся вялое пузо, оно вздымалось и опадало в лад дыханию чудовища, которому снились какие-то мерзкие сны. То был осьминог. Сарли и

Сэппу проплыли мимо. Так же поступили и маленькие пёстрые рыбки.

Сарли нравилось смотреть, как они переливаются шелком и серебром, когда петляют, устремляются то вверх, то вниз, проносятся мимо, изгибаются, планируют, покачивая хвостом, искусно гребя плавниками, вращая выпученными глазами. Их мерцающие тела сияли и сверкали при малейшем движении хвоста, служащего им рулём. Некоторые, казалось, сами источали свет, точно яркие фонарики — нежно-голубые, красные, жёлтые, серебристые.

По рыхлому дну лагун лихо бегали крабы, обдавая себя мокрым песком. Каждый день Сарли видела что-то новое и неожиданное, а потом наступал час прилива, воды покрывали острозубый риф, и тогда уже ничто не нарушало бескрайнюю океанскую гладь.

ЗАСТИГНУТАЯ ВРАСПЛОХ

Миновали три года. Многое произошло в жизни Сарли за это время. Давно исчез Сэппу — должно быть, попал в зубы акуле. Не повезло ему. А что до Сарли: чем старше она становилась, тем менее опасны были для неё — или ей это только казалось — её многочисленные враги.

Она была теперь около двух футов длиной. Роговые пластины, покрывающие верхний костный панцирь, потемнели, и сама кость становилась всё плотней и жёстче. Снизу тело её прикрывал другой широкий щит, и меж этими щитами выступали голова и ласты. Мало кому из обитателей океанских глубин приходила охота нападать на существо, закованное в такие непробиваемые латы.

К этому времени Сарли уже утратила вкус к рыбе и предпочитала теперь нежные побеги водорослей, растущих по кромке всевозможных рифов.

За три года она много странствовала. Иногда заплывала в открытое море, где на много миль вокруг не было ни островка земли, ни единого кораллового выступа. Иногда отправлялась вдоль Большого кораллового рифа. Иногда навевывалась на свою родную отмель. Иногда плавала по глубоким протокам, за которыми высились другие незнакомые остро-

ва; гористые, поросшие лесом, они почти отвесно поднимались над полосой прибрежного песка и коралловыми рифами.

Когда Сарли исполнилось четыре года, ей впервые повстречалось существо, совсем не похожее на всех, кого она видела прежде в коралловых морях. Это была страшная встреча, ничего ужаснее ещё никогда не случалось в жизни Сарли, и произошло это на коралловом острове поздним летом.

На этой отмели бывали только птицы да морские жители, по крайней мере так думала Сарли. Черепахи любят солнце, погреться на солнышке — не слишком долго, а в меру — им полезно для здоровья, и кое у кого из черепах вошло в привычку вылезать в безмятежные тёплые дни на берег, и наслаждаться солнечными ваннами, и дремать у самой кромки воды. Нередко их будил прилив, а иногда внезапно раздавался тревожный крик глупыша, крачки или чайки, и черепахи со всей быстротой, на какую были способны, кидались в море.

Но в тот печальный день Сарли была застигнута врасплох.

Она дремала и видела сны, как вдруг ощутила на спине какую-то тяжесть. Она мигом проснулась и в тревоге заспешила к морю. Но сегодня она оказалась от воды дальше, чем обычно. А на спину, как раз посередине, давило что-то очень тяжёлое. Да ещё что-то сжимало верхний щит с боков.

Наконец Сарли разглядела, что же происходит. Повсюду сновали двуногие существа, смеялись, переговаривались, одобрительно покрикивали. У одних тела были тёмные, лишь отчасти прикрытые чем-то мутно-зелёным, у других — гладкие, розоватые, в каких-то ярких покровах. Все они перебежали с места на место, кричали и показывали пальцами на Сарли, которая мощными рывками продвигалась к воде.

Рядом с Сарли к воде двигалась ещё одна черепаха. На спине у неё плотно уселось темнокожее двуногое существо, скрестив ноги и ухватившись руками за панцирь. Такое же чудище, наверно, сидит и у неё самой на спине, догадалась Сарли.

Компания туристов сошла на берег с прогулочного катера, который покачивался на якоре неподалёку от берега. Катание на черепахах — сидя, стоя или став на колени — у та-

ких туристов считается спортом. Дело нехитрое: оседлай черепаху да и кати на ней к морю.

Сарли охватил ужас. Изю всех сил гребя по песку ластами, она рывками продвигалась вперёд. Надо любой ценой избавиться от этого страшного бремени.

Вот уже она у самой кромки, вот уже ласты коснулись воды. Если б только нырнуть — тогда она сбросит с себя двуногое чудовище! Но теперь голову её упорно тянули назад. Стоя на коленях у неё на спине, вцепившись обеими руками в передний край панциря, человек всем телом откинулся назад, и Сарли поневоле приходилось задирать голову.

Как Сарли ни старалась, она не могла опустить голову, и нырнуть, приходилось плыть поверху. Она заплывала далеко, чуть не на середину лагуны, как вдруг человек с воплем опрокинулся на бок, руки его разжались, и он упал в воду.

Почувствовав себя свободной, Сарли рванулась вперёд, нырнула и в мгновение ока очутилась на дне.

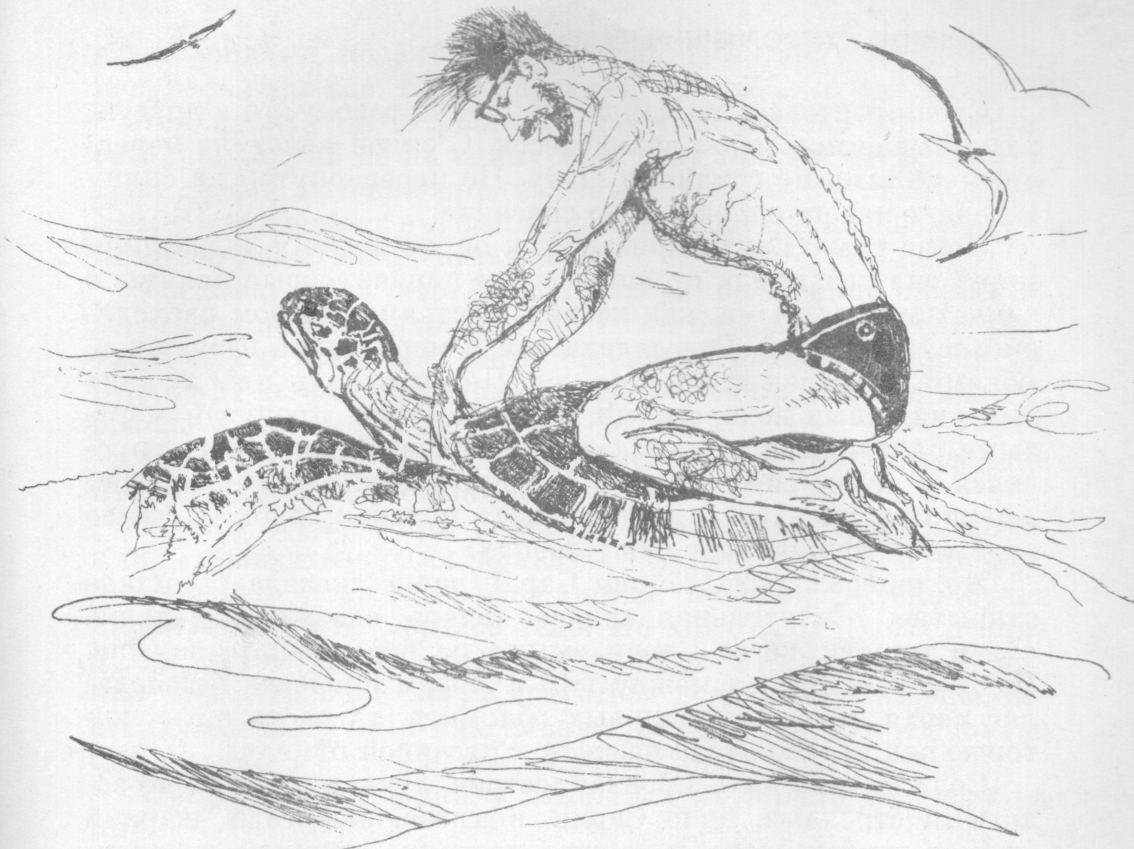
Неделю, а то и две она держалась подальше от песчаных отмелей. Солнечные ванны она принимала теперь на волнах — ляжет, распрямит ласты и дремлет. Но тут трудно было уберечься от грозных акул, и настал день, когда Сарли вновь отважилась ступить на песчаную отмель кораллового острова. Начался прилив. Только высокий прилив мог перенести её через риф.

День прошёл тихо и мирно, следующий тоже, и Сарли успокоилась. А успокаиваться было не время: в эту пору на островах полно туристов, опасность и на этот раз застала её врасплох.

Сарли подрёмывала на солнце и вдруг почувствовала, что две руки тащат её, пытаются приподнять с одного боку. Она яростно отмахнулась ластами. Но руки вцепились крепко, не отпускали. Приподняли с одного бока и толкнули. Перед глазами пошли круги.

С глухим шумом Сарли тяжело упала на спину в сухой песок. Ласты молотили по воздуху, не находя опоры, голова приподнялась и снова упала. Весь мир перевернулся вверх дном. А сама она оказалась совершенно беспомощна.

Над нею высился голубой купол неба. Вокруг стояли люди и с любопытством глядели, как она перебирает в воздухе

ластами. Они, кажется, были очень довольны, что опрокинули её.

— Готово, ребята, перевернули!

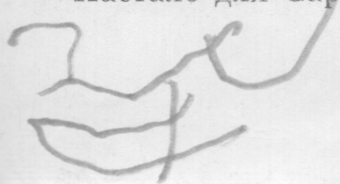
— А дальше что?

— Жалко, здесь поблизости нет консервного завода. А то перепало бы нам денег. Вон сколько черепах, да огромные, их только поймай, а опрокинуть не штука.

— Ловко придумано... Пошли, ребята, пора возвращаться на катер.

И, помешкав ещё немного, все трое беспечно зашагали прочь. О Сарли они и думать забыли. Им и горя было мало, что они оставили её, беспомощную, на спине, выше полосы прилива.

Настало для Сарли жестокое испытание.

Сарли вертелась на спине то в одну сторону, то в другую, разматывая под собою сухой песок. С силой колотила передними ластами по грудному щиту. Но перевернутой на спину черепахе нечего надеяться на спасение.

Когда глаза Сарли привыкли к опрокинутому вверх дном миру, она различила стоящие в ряд панданусовые пальмы с лапчатыми, острыми, как лезвия, листьями, веером расходящимися от ветвей. Разглядела она и мерцающие казуарины, юбками ниспадающие до земли. Песок вокруг неё прошит был увядшими водорослями, корнями трав, пронизан мёртвыми раковинами и осколками кораллов. Берег отлого спускался к тёмно-синим водам лагуны. Глаза Сарли особенно хорошо различали эту синеву: ведь морская глубь — самое надёжное прибежище для черепах.

Но теперь... потрясённая Сарли вдруг сделала страшное открытие. Живительная синева теперь оказалась дальше, чем в тот час, когда Сарли вышла на берег, много дальше. Воды откатились, и между нею и морем пролегла безобразная серая полоса коралловых обломков, та часть рифа, которую она переплывала на пути к песчаной отмели.

Солнце садилось, пронзая остров лучистыми красно-золотыми стрелами, било Сарли в глаза, зажигало жаркий огонь в грудях песка, и каждая песчинка сверкала и искрилась.

Понемногу солнце скрылось за горами далёкого материка. Стаи птиц улетели на покой. Песчаную отмель затопила тьма. В тёмном высоком пологе неба проклёвывались звёзды.

Потом взошла луна — ярко светящийся шар морской губки, — воды моря отхлынули до предела и неторопливо покатились в обратный путь — к побережью!

А Сарли всё лежала на спине — отчаянно махала задними ластами, колотила передними по грудному щиту, изо всех сил стараясь перевернуться, но только покачивалась с боку на бок. Слишком много весу было в ней, и потому ей никак не удавалось перевернуться.

Прилив надвигался, вода уже покрыла серые коралловые пустоши, докатилась до песчаной банки, плеща, закручива-

ясь воронками, подбиралась к Сарли. И в Сарли снова встрепенулась надежда. Воды накатятся на неё — и она уплывёт с этой проклятой отмели. Но двуногие знали, что делали: они опрокинули её на спину там, куда прилив не достигает, даже самый высокий прилив, который бывает в полнолуние. Увы! Песок вокруг неё так и остался сухим, и ласковые, прохладные воды вновь откатились.

На следующий день было то же самое. Солнце палило во всю мочь, немилосердные лучи жгли беззащитное тело Сарли, слепили глаза. Её лапы бессильно повисли и лишь изредка ударяли по грудному щиту. И день снова кое-как переполз в ночь.

На третий день было совсем нечем дышать, хотя солнце и спряталось за облаками.

Птицы в радостном волнении петляли над Сарли, громкими, пронзительными криками сзывали друзей и подруг, нетерпеливо поджидая часа, когда, наконец, можно будет накинуться на её мёртвое тело. Но хотя Сарли совсем пала духом, телом, она была ещё крепка. Голод не слишком её мучил: ведь черепахи могут поститься неделями. А сердце, защищённое могучими пластинами, не сдавалось, продолжало биться даже и в этом новом, опрокинутом мире.

Прошло ещё два дня, а птицы всё не теряли надежды на пир.

После полудня налетел первый порыв ветра с дождём. Тучи чуть ли не касались деревьев. Дождь сбрызнул Сарли живой водой, и всё её существо встрепенулось. Она раскрыла рот навстречу живительной влаге. Весь вечер, всю ночь ветер дул не переставая.

Наутро шквальный ветер задул с другой стороны. Сарли посмотрела на далёкое море, которое отсвечивало угрюмым серо-зелёным блеском, точно чешуя дохлой рыбы, и увидела, что на берег надвигается иссиня-чёрная стена. Небо и океан слились. Их поглотила освещённая жёлтым, мерцающим светом тёмная стена, неотвратимо наступавшая на берег. Циклон! Сарли уже не раз встречалась с циклоном, но тогда она могла укрыться в спасительной глубине вод.

На остров снова налетел шквал. Крупные капли дождя заколотили по песчаному берегу, и тотчас к морю устреми-

лись тысячи ручейков. Пронзительно свистя и завывая, ветер мчался меж пизоний на плоском краю острова, раскачивал казуарины, панданусовые и кокосовые пальмы.

Мятущийся дождь окатил Сарли от хвоста до головы мокрым песком. Могучим порывом ветра её подхватило, отнесло на три фута вдоль побережья и вновь кинуло на спину. Каждый новый порыв был сильнее и длиннее предыдущего. И за каждым наступало пугающее, чреватое грозной опасностью затишье. Листья и даже ветви со свистом пролетали над Сарли, катились, неслись по берегу. Море вздымалось, вскипало серой пеной, обрушивало на риф огромные волны. Струи дождя били теперь не отвесно, а вкось, и уже в нескольких шагах за ними ничего не было видно.

Огромные обломанные ветви пизоний проносились над головой Сарли и падали в море. Кокосовую пальму вырвало вместе с корнями, и она распласталась на песке.

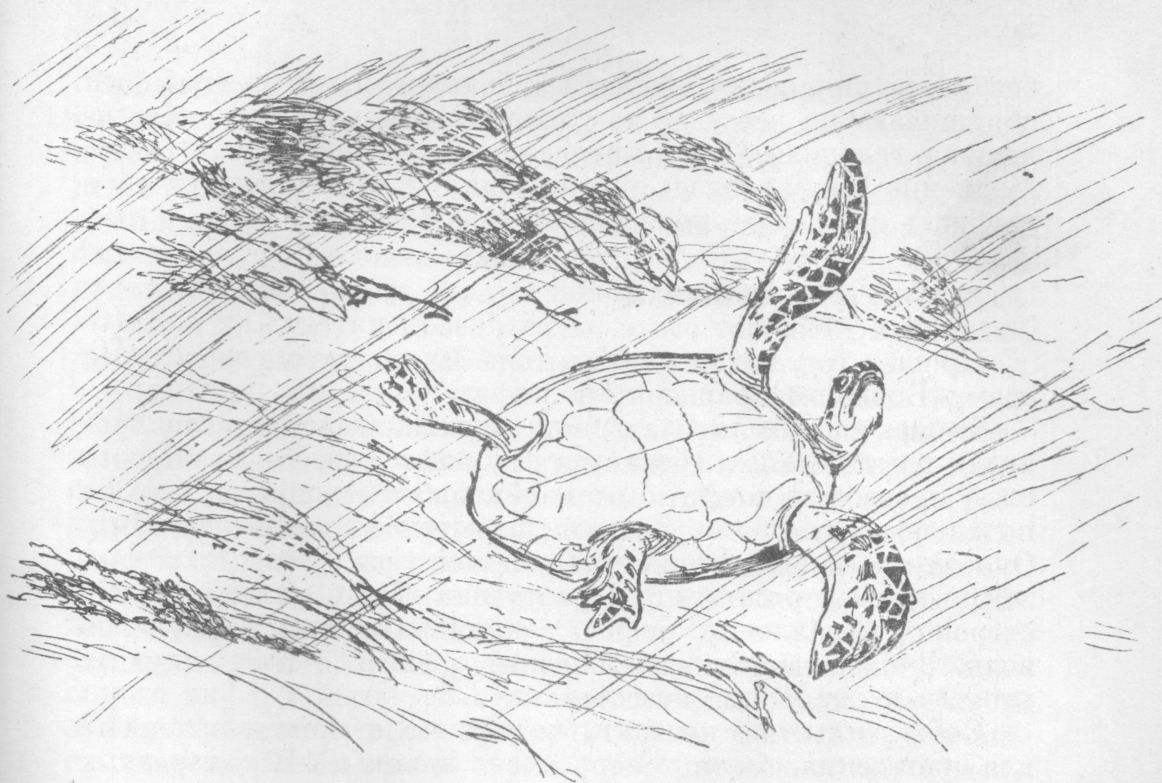
Буря бушевала долгие часы. Сарли ещё дважды подбрасывало вверх и несло вдоль берега. От рифа отрывало большие глыбы живых и мёртвых кораллов, волокно прочь, ставило стоймя. Ударами гигантских волн снесло громоздившиеся вдоль побережья валы из гальки вперемешку с обломками раковин кораблика и улитки-волчка — их обрушило в воду и они погребли под собой лимонно-зелёные и васильково-синие кораллы. Раковины съедобных моллюсков катило по берегу, точно обручи. Тонны песка перегоняло с места на место, так что менялись самые очертания острова.

Выше по берегу тысячи птиц — белоклювые глупыши, клинохвостые буревестники и коричневые олуши — самоотверженно укрывали своих птенцов среди камней. Но сплошные потоки дождя били по острову и смывали птенцов в море. В воздухе стоял отчаянный птичий крик.

И тут произошло чудо. Подхлёстываемые и подгоняемые могучими, бешеными порывами ветра, кипучие волны нахлынули на берег и достигли границы самого высокого прилива. А потом, под напором разъярённого, вспененного океана, поднялись ещё на фут!

Сарли почувствовала, как вокруг её глубоко ушедшего в песок каракакса забурлила вода.

Она качнулась в одну сторону, в другую. Волна откати-

лась, и тотчас нахлынула другая. Скоро Сарли уже лежала в воде глубиной в два-три дюйма. А волны всё наступали, одна выше другой. Лапа Сарли коснулась пены, ударила по ней, подкинула вверх. И вот уже тело её потихоньку оторвалось от песка. На этот раз её поднимал уже не ветер, а вода.

Под вопли шквала на берег наступила новая волна. И когда хлынула обратно, взбаламученные воды сдвинули Сарли с места. Пронесли несколько дюймов. Новая волна продвинула её ещё немного, но перевернуть не смогла. Третья волна, четвёртая... и вдруг Сарли затянуло в кипящие, перемешанные с взбаламученным песком буруны прибоя.

Сарли возликовала.

И вот она перевернулась и плывёт к глубоким водам! Лапы двигаются с трудом, после каждого пяти-шести ударов волей-неволей надо приостановиться, перевести дух. Вокруг

беснуется циклон, серые валы с белыми пенными гребнями обрушивают на неё удар за ударом. Но, измученная, обессиленная, голодная, Сарли никогда ещё не была так счастлива. Медленно приблизилась она к водам, которые унесут её в глубины моря, и её переполнило блаженство.

ЭУЭТИ И РЫБА ПРИЛИПАЛА

Прошёл год, потом ещё полгода. Сарли странствовала по всему Большому барьерному рифу.

Теперь она была владычица океана. Она достигла тридцати шести дюймов в длину и всё ещё росла, но уже полностью превзошла науку о том, как добывать пропитание, и почти полностью — о том, как избегать встречи с врагами. Она знала, когда лучше всего лакомиться сочными тёмно-зелёными водорослями, что растут на обращённых к берегу сторонах коралловых рифов, защищённые ими от ударов волн. Знала, где всего безопаснее прятаться от хлещущих хвостов и свирепых челюстей акул.

Собственные её челюсти, хоть и мало приспособленные для нападения, были теперь очень мощные. В тех редких случаях, когда Сарли хотелось полакомиться рыбкой, она вцеплялась в белую мякоть перепуганного леща или мерлана, зажимала их между челюстями, как в тисках, отталкивая при этом свою жертву передними лапами, и так отрывала кусок за куском. Случалось, одну рыбину пожирала сразу три или четыре черепахи: они тащили её каждая в свою сторону и тем помогали друг другу разорвать её.

На суше Сарли двигалась тяжело, неуклюже, зато когда она легко неторопливо плыла в тёплых, спокойных водах, гребя передними лапами, на неё любо было смотреть. На большой глубине тело её становилось лёгким, как пушинка, и стоило Сарли чуть шевельнуть ластой, как оно тут же поворачивалось куда ей вздумается. Но, почувяв опасность, она неслась стрелой. К этому времени она оказалась в компании других зелёных черепах, и все вместе они жили под прикрытием Большого барьерного рифа. Среди них был Эуэти, крупный самец, который стал проявлять к Сарли особенное внимание.

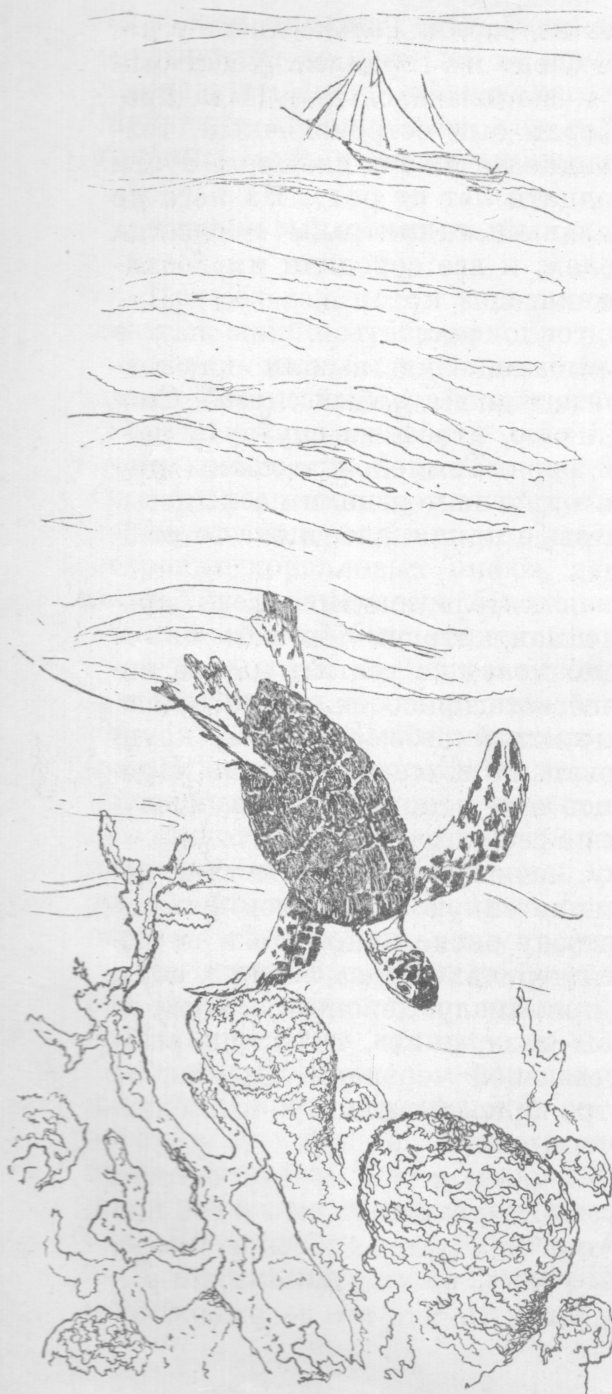
С виду он был очень похож на Сарли. Только хвост у него был совсем другой, и Эуэти очень им гордился. Хвост был вдвое длиннее, чем у Сарли, и высовывался далеко за пределы панциря; хвостик же Сарли был остроконечный, толстый и коротенький, он едва виднелся из-под панциря. Эуэти был красивый молодец, двенадцати лет от роду. На него не раз нападали акулы, но, сильный и храбрый, он всегда выходил из схватки победителем, и все сородичи им восхищались. Сарли он очень нравился.

На беду, им скоро предстояло расстаться, так как в здешних водах появились рыбаки. Они вышли на ловлю черепах, и был у них для этого свой, особый способ. Способ коварный, рассчитанный на то, чтобы не спугнуть робких и осторожных обитателей моря. Темнокожие ловцы знали, что ни Сарли, ни Эуэти, ни другие черепахи не испытывают неприязни к небольшой рыбе прилипале, и эта-то рыбка служила им приманкой.

Прилипала — самая ленивая жительница Большого барьерного рифа, а быть может, самая хитрая. Ибо хотя она и любит странствовать, но предпочитает не тратить на это никаких усилий. На голове у неё есть присосок, и она присасывается им к черепахе, акуле или к любому другому крупному морскому жителю. Оторвать её совсем не просто. Прилипали нередко присасывались и к панцирю Сарли, и случалось, она подолгу возила их на себе.

Рыбаки ловили прилипалу, затягивали тугой петлей вокруг хвоста тонкую верёвку, сплетённую из волокон фигового дерева, а потом пускали в воду около каноэ, пока не доплывали до места, где водятся черепахи. Едва завидев черепах, ловец подтягивал к себе прилипалу, ладонью натирал её присосок сухим песком, чтобы раздражить, и пускал рыбу в сторону ничего не подозревающей черепахи. Прилипала тотчас мчалась к ней и быстро присасывалась к излюбленному прибежищу — щиту черепахи.

Однажды томным весенним днём, когда море у острова было гладкое, точно шёлк, Эуэти почувствовал, что к его щиту присосалась прилипала. Это его ничуть не обеспокоило — ведь так бывало уже не раз. Но вдруг он ощутил слабый рывок и, встревоженный, мигом нырнул. Что это за рывок. от-

куда? Ведь нить, идущая от хвоста прилипала к рыбакам в каноэ, ему была не видна.

Быстро, решительно, напрягая все силы, Эуэти поплыл прочь. А когда устал, вновь почувствовал, что его что-то сдерживает — едва заметно, но непрерывно. Ему пора уже было вдохнуть свежего воздуха. Рыбаки знали, что он должен вынырнуть, и скорчились на дне каноэ. Лодка, которая покачивалась на волнах, не встревожила Эуэти, как, несомненно, встревожили бы пассажиры. Он снова нырнул. И снова ощутил рывок — это верёвку чуть подтянули через борт следовавшего за ним каноэ. Прилипала присосалась крепко, от неё теперь не избавишься.

Уже несколько встревоженный, Эуэти решил, что вся беда в прилипале и надо от неё отделаться. Под ним раскинулся коралловый цветник — сад с купами жёстких рифовых, сиреневых, мозговидных и синих ветвистых

кораллов. Эуэти нырнул, перевернулся и потёрся о твёрдые кораллы. Надо думать, прилипала теперь отцепится! Но прилипала была вполне довольна своим местом, хотя ей и не нравилось, когда кораллы царапали её.

Прошёл час, другой. Темнокожие ловцы терпеливы. Эуэти, сам того не ведая, тащил утлое судёнышко уже целую милю. Теперь он почти привык к тому, что его движения сдерживает какая-то сила, и чаще поднимался к поверхности подышать. Один из таких подъёмов окажется для него роковым.

Когда Эуэти снова стал всплывать из прозрачно-зелёных тёплых вод, ловцы быстро и бесшумно подгребли к тому месту, где, по их расчётам, он должен был показаться. И едва он успел высунуть голову, как в воздухе просвистел гарпун и глубоко вонзился ему в плечо.

Точно громом поражённый, Эуэти в отчаянии нырнул, метнулся вправо, влево. Но теперь его удерживала не только прилипала, а ещё и крепкая верёвка, привязанная к гарпуну. Боль в плече была ужасна. Но хуже всякой боли был страх. И, подгоняемый страхом, Эуэти нёсся всё дальше и тащил за собой утлое судёнышко, пока не выбился из сил. Пора бы подняться и глотнуть свежего воздуха... или ещё подождать... Нет, нет, больше терпеть невозможно! Он вынырнул и тотчас был замечен зоркой командой каноэ; миг — ещё один гарпун просвистел в воздухе и вонзился в основание его хвоста. Теперь беднягу со всех сторон опутали верёвками. Участь его была решена.

Немного погодя его подтянули совсем близко к каноэ и ухватили за ласты. И так, на буксире, дотащили до берега.

Едва несчастную черепаху выволокли из воды, прилипала сама отклеилась и была отправлена на своё место — на борту лодки, снаружи.

Так трагически Сарли потеряла своего друга.

САРЛИ ВОЗВРАЩАЕТСЯ

Время шло, и Сарли забыла большого, храброго Эуэти. Жизнь дешева — таков уж закон моря. У Сарли появились новые друзья. И особенно искал её общества Уурли; он был

примерно её лет, но, как ни странно, чуть меньше ростом. Наружность его немного портил только шрам на голове — след острых зубов акулы. Где только не побывала Сарли вместе с Уурли и другими черепахами! Из тихих лагун она уплывала в стремительные воды проток меж гористыми островами, по высоким склонам которых спускались зелёные отряды гибких сосен; из коралловых рощ и весёлых водорослевых садов она пускалась в бескрайние просторы открытого моря. И вот однажды, наслаждаясь безграничным приливом океана за сотни миль от суши, она пришла к важнейшему решению.

Внезапно и бесповоротно она поняла, что должна возвратиться на песчаную отмель, где когда-то появилась на свет. Или, если не удастся найти ту самую отмель, надо найти другую такую же.

Лето было в разгаре, вода тёплая, бодрящая. Совсем одна Сарли пустилась в путь к Большому барьерному рифу, который будет первым привалом в её долгом плавании к заветному берегу. Она плыла ночь и день и всматривалась в даль, не завиднелись ли уже впереди могучие круглые башни и тонкая полоса бурунов, по которым она сразу поймёт, что Большой риф уже близко. На пути ей встречались акулы и манти, киты и бурые дельфины, но Сарли всё плыла и плыла, твёрдо зная, куда стремится, и лишь изредка останавливалась, чтобы пощипать водорослей.

Прошло несколько дней, и вот впереди замаячил долгожданный риф. Со стороны океана он был грозен. Гигантские валы устремлялись к нему из просторов Тихого океана и разбивались о белую стену кораллов, что во время отлива выступала из воды на фут или на два и отвесно уходила вниз, до самого дна. Это был наружный край Большого кораллового рифа. На нём росли коричневые водоросли; их длинные пряди метались взад и вперёд в бурных волнах и выдерживали бешеный натиск едва ли не лучше, чем скалы. Сарли очень хотелось полакомиться этими водорослями, но от них следовало держаться подальше. Если её захватит бьющий в стену прибой, ей конец.

Она дождалась прилива. И тогда легко проплыла над стеной по зеленоватым водам и оказалась в синем море с внут-

ренной стороны рифа. Воды здесь были спокойнее, чем в открытом море, но до отмели оставалось проплыть ещё миль тридцать. Одолеть их за один день было не под силу, да и незачем. Сарли предпочитала двигаться не спеша. В положенный срок она добралась до внутреннего рифа, за которым укрывалась белопесчаная отмель. Вплыла в плоскую лагуну и остановилась, увидав под собою ярко-синие побеги ветвистых кораллов.

Вот она, впереди, — заветная цель, песчаная отмель, к которой стремилась Сарли. Здесь она и положит свои первые яйца. Сознание важности этой миссии было всё так же властно, но час ещё не настал. Предвечернее солнце клонилось к горизонту. До полуночи можно отдыхать после долгого странствия.

Когда Сарли направилась к берегу, в небе уже поднялась полная луна.

Сарли выбрала место, где песчаный берег полого поднимался к тёмным зарослям казуарин, панданусовых пальм и высоких пизоний, растущих по самой середине острова. Теперь под её лапами был плотный и мокрый серебристый песок. Пора было выбираться из воды. Сарли протянула вперёд передние лапы и, отталкиваясь задними, подтянулась. Так она продвинулась на несколько дюймов. Потом ещё раз и ещё.

Подтянувшись раз шесть, она дала себе передохнуть. И поползла дальше. Теперь она тащила тяжёлое своё тело уже по сухому песку. Немного погодя она снова остановилась, и у неё вырвался какой-то глухой свист, очень похожий на вздох. Ползти было тяжело. И дышать тоже. Из глаз у Сарли катились слёзы, — на самом деле Сарли, что называется, обливалась потом, только он у черепах выделяется из глаз. Передние лапы вздымали сухой песок, он попадал Сарли в глаза и спекался. Это было очень неприятно.

Сарли передохнула и снова поползла. Она двигалась зигзагами, чтобы подъём был не так крут. Большое тело её, такое подвижное в воде, на суше стало грузным и неуклюжим. Оно оставляло в песке глубокие, неровные борозды. Но вот первый ряд казуарин уже совсем близко. Весь берег усыпан плетями сухих водорослей. Теперь граница самого высокого

прилива осталась позади. Пожалуй, место подходящее. Сарли огляделась по сторонам — всё вокруг заливал голубоватый лунный свет.

Работая передними лапами точно совками, Сарли начала раскидывать рыхлый песок. Большую часть она откидывала за спину, потом давала передним лапам отдых, а задними сгребала отброшенный песок в кучу. Сухой песок копать нетрудно. Скоро Сарли на несколько дюймов ушла в ещё неглубокую впадину, которая посередине была мельче, чем впереди и сзади. Чуть покружилась и вновь принялась за работу. Яма становилась всё глубже, и Сарли погружалась в неё, пока спина её не оказалась почти вровень с поверхностью отмели; края панциря оперлись о кромки ямы и приняли на себя вес тела Сарли. Немного песку осыпалось ей на спину, наполовину прикрыв её.

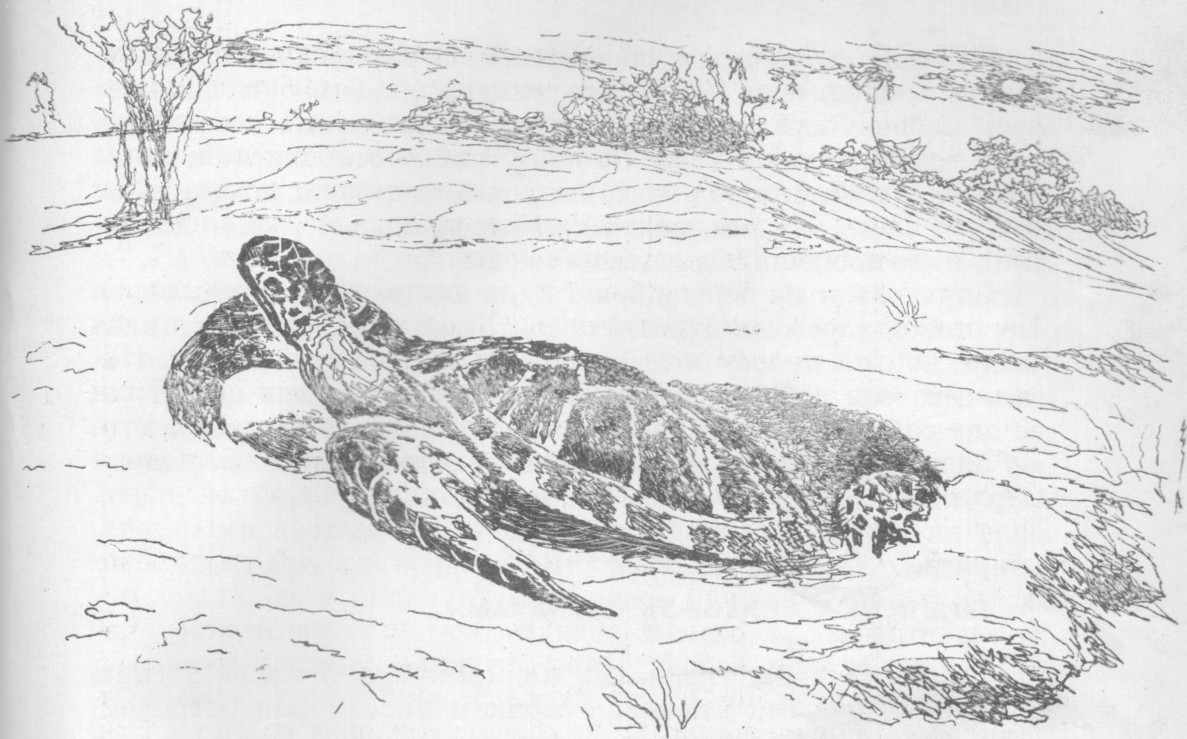
И вдруг Сарли замерла. Как быть? Ласты наткнулись на что-то твёрдое.

Она копнула снова, раз, другой — нет, не годится. Деловито выбралась из ямы, отползла ярда на два в сторону и снова принялась копать. Но и это место не подошло, ибо, когда она углубилась на шесть дюймов, сухой песок по краям обвалился и чуть не засыпал её. Тогда она в третий раз начала всё сначала.

Тут дело пошло лучше. На глубине нескольких дюймов песок оказался чуть сыроватым, как раз в меру. Немного влаги необходимо: она просочится сквозь яичную скорлупу и поможет детёнышам развиваться, а если песок чересчур сырой, яйца загниют и погибнут.

Теперь Сарли приготовилась вырыть углубление для яиц — вторую яму на дне большой, первой. Это была работа куда более тонкая. Лёжа в песочной яме, точно в круглой ванне, где негде повернуться, Сарли принялась копать под собой задними лапами. Сперва одной, потом другой ластой зачерпывала она влажный песок. Чем глубже становилась эта вторая ямка, тем трудней было выбрасывать наружу песок. И Сарли приподнялась, опираясь на передние ласты, чтобы дать задним свободу движения.

Погружая задние ласты поочерёдно в ямку, их приходилось сгибать и подворачивать внутрь. А уж там, в ямке, они

разгибались и, точно заступ, с силой входили в песок и разрыхляли его. Тогда кончик лапы вновь подворачивался, образуя что-то вроде совка, которым она подбирала песок, и осторожно, тихонько поднимала его из ямки. И всё это Сарли проделывала так искусно, что не упала с живого совка ни единая песчинка. Быстрым взмахом она выбрасывала груз за край ямы.

Наконец-то можно класть яйца. Прошёл час, а может, и больше. В этот первый раз Сарли отложила сто тридцать яиц; все они громоздились друг на друге. И вот уже яма полна белых влажных шариков.

Сарли так была поглощена своим занятием, что и не заметила, как минула ночь. С тех пор как она подплыла к берегу, прошло три часа, и луна уже опускалась за резную листву панданусовых пальм. Пора было уходить. И Сарли начала засыпать гнездо, разравнивая и разглаживая песок задними лапами.

Всё ещё отбрасывая назад песок, Сарли медленно подвигалась вперёд, и на том месте, откуда она его брала, оказалось новое углубление. Сама того не зная, она замаскировала таким образом свои яйца: всякий вор почти наверняка примет эту обманную яму за настоящую и будет искать яйца именно здесь. Ну вот, дело сделано, и, пока не занялся рассвет, надо поспешить в глубокие воды.

Спускаться по берегу было куда легче, чем подниматься. Не приходилось делать зигзаги. Хвостик Сарли тащился сзади, чертил полосу меж следов, оставляемых лапами. Наконец-то она добралась до убывающих вод, здесь встретили её два самца и, оспаривая друг у друга право сопровождать её, поплыли вместе с ней в открытое море. Через две недели Сарли снова вернётся сюда класть яйца.

БЕРЕГИСЬ ОХОТНИКОВ ЗА ЧЕРЕПАХАМИ

Странные дела творились на песчаной отмели. Птицы снимались целыми стаями, с криком висели над островом. Шиповатые скаты бежали с острова.

В лагуне бросили якорь несколько судов. На недавно ещё пустынном острове застучали молотки, завизжали пилы, с кораблей сгружали доски, брёвна и железо.

У пизоний и кокосовых пальм появились навесы, и к небу поднимался дым от костров, на которых варили пищу. Здесь строили консервную фабрику для обработки черепашиного мяса.

Была середина лета — пора, когда в глухие часы лунных ночей черепахи выходят на берег класть яйца. Когда Сарли впервые клала яйца, на всём берегу, кроме неё, не было ни единой черепахи. А теперь, в начале января, множество их выходило на берег каждую ночь.

Когда Сарли в четвёртый раз вышла на берег, вверх карабкалось более полусотни черепах, и какая же там завязалась борьба из-за мест! Едва только Сарли нашла подходящее местечко и принялась копать, как на неё навалилась огромная включужая черепаха, ещё больше её самой, и ей пришлось искать новое место. Ближайшая к воде часть бе-

рега была изрыта глубокими бороздами, а выше песок сплошь перекопан, исполосован, весь в ямах и влажных холмиках. Иные черепахи начинали по ошибке разрывать ямы с только что отложенными яйцами, и в рыхлом песке повсюду были рассыпаны белые влажные шарики, — поутру их жадно заглатывали чайки и крачки.

За лето Сарли десять раз возвращалась на песчаную отмель. И шесть раз клала от пятидесяти до ста пятидесяти яиц. А четыре раза класть не стала, видно, чуяла какую-то опасность.

Большинство черепах откладывали яйца выше границы самого высокого прилива. Но некоторым не удавалось исполнить свой материнский долг. Одна, например, с трудом вылезла на берег после встречи с акулой, еле перебирая изодранными лапами. Она была так слаба, что не могла вскарабкаться вверх и вырыла ямку у самой воды. Сарли, конечно, знала, да и раненая мать тоже наверное знала, что из яиц, положенных в такое гнездо, нечего ждать детёнышей: во время прилива здесь всё зальёт водой и яйца сгниют.

Людей, строивших фабрику, яйца не интересовали: им нужны были взрослые черепахи. И однажды тёплой и влажной тропической ночью они вышли на охоту. В два часа ночи трое с жёлтыми фонарями в руках спустились на отмель. Прежде всего надо было разыскать у воды зигзагообразные следы, ведущие вверх. И очень скоро один из охотников окликнул других:

— Эй, Джим, Том, один есть!

— Где?

— ~~Да здесь. Совсем свежий. Похоже, она фунтов пять-~~
сот потянет!

— Ах, чёрт, верно! Пошли по следу.

Осторожно, чтобы не спугнуть черепаху, они двинулись вверх. Но когда подошли к ней, бедняга так сосредоточенно клала яйца, что ничего не замечала вокруг. Они без труда перевернули её на спину, и теперь она лежала беспомощная и отчаянно колотила лапами по грудному щиту. В эту ночь ловцы перевернули ещё шесть черепах и так и оставили их лежать. А утром они снова пришли, чтобы забить их и приготовить для консервирования.

Далеко не все черепахи доставались им так легко. Одни, ещё издали учуяв шаги, спешили вниз и кидались в воду. Другие, оказавшись на берегу и уловив странные колебания воздуха, которые возникали, когда перевёрнутые черепахи хлопали ластами по щиту, чуяли неладное и возвращались в море. Иные, когда к ним прикасались человечесьи руки, храбро защищались.

Среди непокорных была и Сарли, которая теперь уже в третий раз встретилась с двуногими. Едва она вылезла на отмель и отползла на несколько ярдов от плещущих вод, к ней подбежали трое людей.

— Вот это красotka! Давай берись!

— Погляди на ту ласту, видишь? Кто-то оттяпал кусок!

— Не спешите, — сказал один. — Дождёмся подходящей минуты. Удобней переворачивать, когда она подтянется. Готовы? Взяли!

Все трое наклонились над Сарли. Она была большая и очень тяжёлая. Но едва их руки коснулись её панциря, она с силой взмахнула передними ластами. Каждая лапа заканчивалась острым, загнутым когтем, напоминавшим о той давней поре, когда у морских черепах были пальцы. Один коготь вонзился в руку главного охотника. Тот взвыл от боли, даже подпрыгнул, потом бешено выругался. Ухватился за раненую руку, злобно пнул Сарли ногой; двое других попятнулись.

Улучив минуту, Сарли повернула назад и, сильно взмахивая ластами, устремилась к воде. Двое охотников тщетно примеривались, как бы подхватить её под панцирь и при этом не подставить руки под удары острых когтей. Сарли выиграла сражение и ещё раз избежала смерти.

Шли недели. Сарли и ведать не ведала, сколько же крохотных большеголовых детёнышей вылупилось из сотен яиц, которые она отложила, а в скольких искра жизни так и не вспыхнула. Не ведала она и того, сколько её детёнышей выбралось из песчаного гнезда, скольким удалось не попасться чайкам, глупышам и крабам, избежать пасти королевских рыб, которые подстерегают новорождённых черепах, что ковыляют по берегу и шлёпаются в богатое кораллами море. Никогда она не увидит своих детёнышей, во всяком случае

не узнает их, да у неё и желания такого никогда не было — повстречаться с ними.

Шли годы. Сарли делалась всё тяжелей, круглей и больше, пока ей не исполнилось двенадцать лет. Тогда она перестала расти.

За эти годы след укуса на ласте — постоянное напоминание о самом грозном её враге, тигровой акуле, — тоже рос и становился шире. Но теперь, превратившись в поистине гигантскую черепаху, Сарли не слишком опасалась врагов — ведь её защищала самая прочная броня из всех, какие существуют в животном мире.

Верхний щит её полюбился шести морским уточкам; уточки — хитроумные моллюски — прилепились к нему, и Сарли долго носила их на себе по разным морям.

Несколько лет Сарли не клала яиц. А потом она вновь несколько раз кряду приплывала к плоскому, увенчанному пальмами островку, к песчаной отмели, и отложила шестьсот, а то и все восемьсот яиц.

И так, среди ветвистых синих кораллов и среди зарослей рифовых, сиреневых, мозговидных, гуттаперчевых и веерных кораллов, среди водорослей всевозможных видов, где, кроме черепаших детёнышей, плавали крабы и стаи рыб, где было великое множество морских звёзд, трепангов, страшных бородавчаток, морских ежей, морских анемонов и раковин каури, продолжался вечно обновляющийся круговорот жизни.

И в бескрайних, бездонных океанских просторах, за стенами Большого кораллового рифа, где плавали тигровые акулы и киты, жизнь тоже продолжалась. И Сарли, зелёная морская черепаха, дожила до преклонных лет, но, сколько именно лет прожила она на свете, не знает никто, ибо некому там было считать годы, да и тягаться с ней в долголетию, пожалуй, тоже никто не мог.